

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

«РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ»: РЕКЛАМА И СУТЬ

31 октября 2016 года, в понедельник, проводя в Астрахани заседание президентского Совета по международным отношениям, Владимир Путин произнес фразу, рискующую стать исторической.

«Ну, что точно совершенно можно и нужно реализовывать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, это закон о российской нации», — сказал он в ответ на прозвучавшее на совете предложение о создании такого закона. А также заметил, что «формирование российской идентичности — процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет, и в последние годы достаточно активно идет. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся все более устойчивыми». И поддержал предложение о проведении Года единства российской нации.

Таким образом, из двух наиболее заметных в наши дни и противоположных по смыслу инициатив в национальной сфере — во-первых, законодательное утверждение роли русского народа в качестве государствообразующего, а во-вторых, преобразование населения России в некую «российскую нацию» — президент на этот раз поддержал вторую и не поддержал первую, которую поддерживал в недавнем прошлом. Хотя первая исходит от народа (даже — от народов), снизу, а вторая — от кучки придворных псевдоэкспертов, сверху, и только. Похоже, что президент под их влиянием

решился на рискованный или попросту непродуманный опрометчивый разворот, встав в оппозицию к национальному большинству.

Слово, как известно, не воробей, вылетит — не поймаешь.

Вся лавина негатива, порожденного вбросом в общество идеи о законе на счет «российской нации», падает, конечно же, на голову лично президенту Владимиру Путину. Как говорят в неакадемических кругах, за базар приходится отвечать.

Но реальными авторами Стратегии, столь показательно игнорирующей государствообразующий народ России, является тройка экс-министров: В.А. Тишков, В.А. Михайлов, В.Ю. Зорин. Вот они-то и мудруют, заправляя национальной политикой в России с того самого 1992 года, когда в министерское кресло сел демократ «первой волны», либерал гайдаровского призыва, убежденный западник Тишков. Несмотря на отставки, они сумели составить тройственный союз и взять под свой жесткий контроль национальный вопрос в нашей стране. Отчасти это обусловлено личными связями и интересами (например, в 2009 году Тишков «пригрел» научно беспомощного Зорина и сделал своим замдиректора по науке в Институте этнологии и антропологии РАН), но в большей степени — общей идейной платформой.

В этой тройке один — Тишков — является теоретиком, поставщиком идей; двое других — вообще ничего, на мой взгляд, не понимают в теории, зато оба матерые аппаратчики, прошедшие

школу партийной и государственной службы. Административным мотором является Вячеслав Михайлов, он больше на виду; главным идеологом — Валерий Тишков. А Владимиру Зорину более всего подходит расхожая некогда формула «...и примкнувший к ним Шепилов», поскольку самостоятельного значения эта фигура не имеет. Однако по обстоятельствам коренник и пристяжные порой меняются местами.

«Вы думаете, это бредит малярия?»

31 октября 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани в присутствии президента Владимира Путина выступил Вячеслав Михайлов. Именно он предложил «идти от Стратегии к федеральному закону», который должен вобрать в себя все новации, связанные с межнациональными отношениями. Он предложил и название закона — «О российской нации и управлении межэтническими отношениями».

Поскольку инициатор наверняка будет иметь отношение к реализации своего предложения (сам себя он именуется «глава экспертной группы»), не худо бы разобраться, какое содержание вкладывает он в него. Мы должны знать, что нас ждет, и понимать, к чему готовиться. Хотя формально за подготовку закона придется отвечать специально созданному для таких случаев Федеральному агентству по делам национальностей, но поскольку ни его глава Игорь Барин, ни его ближайшее окружение не зарекомендовали себя пока в качестве специалистов по данной теме, их наверняка заставят обращаться все к той же «тройке», на роль коренника в которой сегодня выдвинулся Михайлов.

Теоретик Михайлов. К сожалению, рассмотрение текстов Михайлова подсказывает, что он как был партийным флюгером, способным по конъюнктурным обстоятельствам с равной

горячностью отстаивать взаимоисключающие позиции, так им и остался.

Его наиболее полное объяснение появилось на сайте Life.ru 1 ноября 2016 г. Из него следует, что то ли от возраста, то ли от непосильного умственного труда и нечеловечески глубоких познаний в этнологии, но у Михайлова мирно уживаются в голове прямо противоположные идеи. Он жалуется журналистам: «Нам было крайне сложно ввести в Стратегию понятие “российская нация”». Ну, это понятно: нельзя законодательно оформить и даже просто разъяснить то, чего нет в природе. Беда в том, что главный эксперт и сам не понимает предмет разговора, вынужденно прибегая к словесной эквилибристике, которая только запутывает вопрос.

С одной стороны, Михайлов верно напоминал в одном интервью еще 2007 года: «В отечественной ментальности — кстати, в этом вопросе мы схожи с немцами и с австрийской социал-демократией — понятие “нация” никогда не было связано с пониманием политической нации, а только — нации как этноса. Поскольку в самосознании это сохраняется, то вопрос о формировании “российской нации” вызывает определенные сомнения». Он и теперь заявляет: «“Российская нация” — это термин не гражданско-политический, а этнический. Собственно, это должно быть зафиксировано на конституционном уровне». Михайлов пытается еще пояснить в том же духе насчет будущего закона: «Крайне важно, чтобы в нем фигурировало понятие “этнос”, не позволяющее оторвать российскую нацию как гражданскую от нации этнической. Таким образом мы замыкаем единство гражданско-политической и этнической наций».

В такой позиции есть некоторый резон, но куда больше чуши, поскольку с этой точки зрения имеется только «русская», но никак не «российская» нация, ибо «российского этноса» нет в природе. Однако, с другой стороны,

Михайлов тут же, противореча самому себе, пытается пояснить, но уже все наоборот: принятие-де закона «позволит нам выйти на уровень европейского правового поля, где нация четко определяется как гражданская». Так же и ТАСС цитирует слова Михайлова: «Когда мы говорим “российская нация”, это согражданство в стране с четко очерченными границами». В понятии «российская нация» «не присутствует никакого этнического начала, это чисто политическое согражданство».

Понятно, что тут «либо — либо»: нация как согражданство не есть нация как этнос. Это однозначно и принципиально, эти противоположные концепции не смешиваются, как вода и масло.

На старческий маразм такую раздвоенность не спишешь, скорее тут проявляется старый рефлекс партаппаратчика под названием «чего изволите». Ведь Михайлов прежде всего стремится чутко уловить веяния со стороны Кремля и максимально им соответствовать. В интервью portalу On Kavkaz еще 25 июня он сказал: «Была определенная политика, связанная с кинофильмами, литературой, произведениями искусства. Все было направлено на формирование единого общества — советский народ. И наш президент некоторые вещи реанимировал, самое главное, он фактически подвел нашу страну и наше общество к восстановлению связи времен». Вот и стремится теперь Михайлов «реанимировать» советский народ под именем российской нации...

Стремясь потрафить президенту, теоретик Михайлов продолжает путаться в двух соснах: в действующей Конституции у него, оказывается, «формулировку “многонациональный народ” необходимо уточнить: за ней стоит этнический народ Российской Федерации, множество этносов, а не гражданская нация». При этом «Российский народ — понятие политиче-

ское, а не этническое. Это, грубо говоря, все мы: и татары, и евреи, и русские, и ингуши, и чеченцы и т.д. Это мы, российский народ». Ну, так это и есть «многонациональный народ», по Михайлову, он же «российский народ», он же «этнический народ РФ». Какой же он, в конце концов: этнический или политический?!

При этом еще того не лучше: «Русский же народ или русская нация — это уже этническое понятие. Однако исторически понятие “русский народ” являлось полиэтническим: это и русские, и украинцы, и белорусы. В царское время, к примеру, это множество делилось на великороссов, малороссов, белорусов, а “русский” было определением исключительно гражданским».

Вот уж поистине «великий знаток вопроса», а на деле путаник, каких свет не видел: «народ» и «нация» — это, выходит, одно и то же? «Русские» — гражданское или же этническое понятие? Если русские — это классическое триединство трех субэтносов (великороссы, малороссы, белорусы), тогда с какой стати это «гражданское понятие», а не «этническое»? И почему это «полиэтническое» тут же превращается в «гражданское»? И вообще, с каких это пор этнос, подразделенный на субэтносы, именуется «полиэтническим» (для такого этноса есть свой термин: «подразделенная популяция»)? Уму непостижимый понятийный хаос! Хотя любой начинающий этнолог знает, что этнос и субэтносы соотносятся как вид и подвиды.

Если все это не шизофрения, то что?

Возраст, конечно, не всегда умудряет. Прежде Михайлов думал и говорил совсем другое. К примеру, давая в 2007 году интервью Кириллу Бенедиктову для «Новой политики», он высказался так: «Есть русская нация? Да, есть... Конечно, понятно желание политической консолидации всего многонационального народа страны в гражданскую нацию — “россияне” — “российскую нацию”, но это не должно происходить в

ущерб развития ни одного из народов России, в том числе русской нации как станового хребта российской государственности. Не надо забывать о горьких уроках поспешного форсирования создания новой исторической общности в СССР — «советского народа»¹.

Казалось бы, десять лет назад Михайлов трезво оценивал негативный опыт ошибочной советской национальной политики, приведший к развалу страны. Теперь же он, напротив, взывает к советскому опыту и стремится его повторить, создав «российскую нацию» — полный аналог столь же искусственного, фантомного «советского народа». Интернет-ресурсу Life.ru Михайлов даже заявил: «В данном случае “российская нация” — это цель, и к ней мы должны стремиться. Мы ругали советскую власть, но они сказали: “Цель — коммунизм”». Он приводит в пример США, создавшие страну через «мощное целеполагание». Стало быть, и мы должны строить «российскую нацию», как советская власть строила «коммунизм». Но можно не сомневаться, что и эффект получится точно такой же плачевный. Ведь ложное целеполагание — что может быть хуже? Оно не может не привести к краху. Пример с «коммунизмом» как раз кричит об этом.

Кстати, совершенно несостоятельная ориентация на исторический опыт США, принципиально совершенно иной, чем в России (Михайлов повторяет эту капитальную ошибку вслед за Тишковым). В ответ на его слова: «Наш закон имеет целевую установку, как в США, которые создали государство именно через целеполагание» хочется сказать: «Опоздали, господа, нашу Россию создавать не надо, ее уже создали задолго до вас, ей более тысячи лет. Надо просто не мешать ей свободно развиваться, идти своим путем. Свободно, в том числе, от ваших дурацких экспериментов».

Казалось бы, с Михайловым все ясно. Гордясь доверием президента («группу возглавлю я»), он поведет дело к скорой реализации: «Далее всё стандартно: подготовка законопроекта, его принятие в Госдуме, Совете Федерации и подписание лично президентом. Если закон будет успешно принят, за ним могут последовать и соответствующие изменения в Конституции».

О том, какие изменения произойдут не только в Конституции, но и в обществе, устремленном в очередные тупики национальных отношений, мы поговорим ниже. Но об одном таком тупике, кажется, догадывается даже сам Михайлов. Он заявил, в частности, «Новой газете»: «Вот наш президент часто цитирует Ивана Ильина. Ильин выступал против федерации в России, потому что для федерации нужен более высокий уровень правосознания, а наш российский народ не будет федерацию воспринимать... Не секрет, что если мы проведем сегодня опрос, есть ли сомнения в том, останется ли Россия федеративным государством, мы получим очень высокий процент тех, кто считает, что Россия должна трансформироваться в унитарное государство. И обычно ссылку делают на то, что 80% русских — это моноэтническое государство».

Что ж, и впрямь: самое ближайшее следствие принятия закона о «российской нации» — это постановка в повестку дня отмены национально-территориальных образований: национальных республик, округов и т.п. Ибо их существование в принципе несовместимо с идеей единой нации (подробнее об этом ниже), которая, естественно, должна жить в едином, унитарном государстве: одна нация — одна страна.

Однако новоявленный адепт «российской нации» Михайлов считает: «Мы должны четко сказать, что возврат к унитарному государству не будет — по крайней мере, при жизни нашего поколения. Федерация — наш

путь развития». Что лишний раз свидетельствует о том, какой ералаш царит в его отдельно взятой голове, совмещающей несовместимые вещи «с легкостью необыкновенной», а-ля незабвенный Хлестаков.

Теоретик Зорин. Теоретик Зорин не чета, конечно, большому теоретику Михайлову в национальном вопросе, но есть смысл бросить взгляд и на его тексты. Свои взгляды Зорин полно изложил в интервью журналу «Национальный контроль». Но ничего особо нового мы там не найдем. Зорин ссылается на ту «Стратегию государственной национальной политики до 2025 года», в подготовке которой сам же и принимал деятельное участие с Тишковым и Михайловым. Он подчеркивает суть этой доктрины:

«Она формулирует пять целей государственной национальной политики. Содействие формированию общероссийской гражданской нации. Содействие этнокультурному развитию всех народов. Укрепление мира и национального согласия, обеспечение равенства прав, независимо от национальности и отношения к религии. И появляется еще один вектор на оказание содействия в интеграции и адаптации мигрантов... Две инновационные задачи сформулированы впервые: об «общегражданской российской нации» и признание того, что миграционные отношения влияют на состояние межнационального мира и климата в стране».

Ну, если признание роли миграционных отношений — это для Зорина «новация», то тут можно только руками развести: хороши же были предыдущие творцы российской национальной политики (Тишков, Михайлов и сам Зорин в том числе), если этого не понимали, а тут вдруг прозрели. Впрочем, тут он даже не оправдывается. А вот тезис насчет «русской нации», в авторстве которого Зорин, по сути, признается, ему приходится защищать, поскольку он не может не знать, на-

сколько сильное неприятие этот тезис уже вызвал в обществе. Но защищает столь же высокопарно, сколь нелепо и неуклюже. Он говорит:

«Самую большую критику встретила идея “единой российской нации”. Говорят, что это калька с единого советского народа и что в результате ставится цель стереть этнические различия, превратив все народы нашей страны в единую нацию».

Именно так дело и обстоит, это нам уже объяснил «глава экспертной группы» Вячеслав Михайлов (см. выше). Но Зорин, видимо, понимая, чувствуя нутром все безобразие этой затеи, оправдывается, противореча своему патрону:

«Это неправда, да и невозможно — никто такой цели не ставит. Ни из практики государства, ни из самого документа это не вытекает. Русский остается русским, аварец — аварцем, еврей — евреем, но это не мешает им чувствовать себя единым народом. Я бы сказал, что российская нация — это нация наций».

Хотелось бы спросить Зорина, что это за лингвистико-этнологическая новость: «нация наций»? Где это он такую нашел, откуда подцепил? В Америке, в Канаде, где проживают «нации иммигрантов»? Или это вновь «особый путь России», где по воле безответственных экспериментаторов все почему-то должно быть не как у людей?!

Беда именно в том, что подобную умозрительную конструкцию, высосанную из высокоученых пальцев наших горе-теоретиков, нам и будут навязывать в качестве «мощного целеполагания», как навязывали некогда «коммунизм». Михайлов нам в этом уже ясно и откровенно признался. Творческий зуд преобразователей человеческой природы, стремление сотворить из нас, беззащитных и безгласных, нечто небывалое, экспериментальное — «русскую нацию» сиречь «нацию наций» — не дает, как видно, покоя бывшим строителям ком-

мунизма (точнее, идеологическим надсмотрщикам на том строительстве). У коммунистов в комплекс «новаций» точно так же входила «новая историческая общность людей», только называлась она «советским народом». Такое же, прямо сказать, противоестественное изобретение горе-теоретиков, рассыпавшееся в прах при первом серьезном испытании.

Зорин в защиту «российской нации» пытается привлечь историко-культурные аргументы. Он призывает: «Откройте Пушкина — он употребляет термин “российский народ”. Ломоносов в споре с господином Миллером о нормандской теории употребляет оба термина: “русский народ” — когда говорит о славянах, и “россияне” — когда говорит о подданных российской империи. Определение “россияне” использовал Петр Первый. А потом уже на его похоронах прозвучит знаменитая речь Феофана Прокоповича: “До чего мы дожили, о россияне? Петра Великого погребаем”. Суворов, когда переходил Чертов мост в Альпах, говорил: “Россияне, за мной!”. Поэтому термин “россияне” — это наше историческое достояние. До 1917 года слово “россияне” было вполне употребимо, а в советское время его изъяли из обращения».

Что ж, как филолог и историк я подтверждаю: да, такое словоупотребление существовало в Российской империи. Но еще и еще раз подчеркну: слово «россияне» уместно только как обозначение населения России в целом, ее подданства или согражданства, независимо от этничности. Именно так его и употребляли Ломоносов, Пушкин или Суворов, которые при этом никогда не отказывались от своей природной русскости (тому же Суворову принадлежит известный клич: «Мы русские, какой восторг!»; заметьте: «русские» — а не «россияне»). Но вот употреблять это слово как обозначение нации — антинаучно, нелепо и неуместно. Это не что иное, как подмена

понятий, злостный подлог, особенно отвратительный в устах чиновников с учеными степенями.

Уместно напомнить также, раз уж зашла речь о нашей истории, что в «Полном своде законов Российской империи» существовал целый специальный раздел «Об инородцах» (том IX, раздел V), то есть русские и нерусские «россияне» были четко разделены между собою не только на бытовом и конфессиональном, но и на законодательном уровне. Похоже, однако, что Тишкову и К^о об этом помнить неохота...

Зорин, судя по его высказываниям, вообще не сведущ в российской истории, он охотно повторяет расхожие пустые штампы (вранье, попросту), например: «Российское государство больше 1000 лет исторически существовало как полиэтничное и поликонфессиональное. Россия за время своего существования не потеряла ни одного народа, который оказался в ее орбите». Эти сладенькие слюни нам давно уже размазывают по идеологическом пространстве, невзирая на их абсолютное несоответствие исторической правде. Но простительно ли повторять подобные демагогические бредни государственному чиновнику, да еще из тех, что конструируют наше национальное будущее?! Можно врать врагу, обманывая его в своих целях, но зачем же врать самим себе, своему народу?

Интересно отметить, что русский народ для Зорина — проблема и вызов. Он признает: «Вопрос, связанный с ролью русского народа, пожалуй, самый сложный. Мировая традиция говорит, что, если в государстве более 70% процентов населения составляет один этнос, то это национальное государство». Корреспондент уточняет: «Русских сегодня в РФ, согласно последней переписи, — 80%». И как же реагирует Зорин на этот факт? «Да, у нас 80%, что и породило феномен В.В. Жириновского, который стал спекулиро-

вать на идее того, что мы государство русских. Существует также точка зрения, что нам не нужна национально-территориальная федерация, что мы должны иметь губернии — 20, 40 и т.д. На эти вызовы надо было как-то реагировать».

Вот так. Надо же, какая неприятность: русских в России многовато. Это, оказывается, создает отцам государства сложности, неудобства, приходится реагировать... Вот и «среагировали»: замутили проект «российской нации» в противовес идее «государства русских».

Понятно теперь, о мой читатель, откуда растут ноги у этого одиозного проекта? Перед нами очередная попытка стреножить русских, накинуть на нас сеть, в очередной раз построить государство за счет русских, но не для русских.

Спасибо Зорину, проболтался, от ума большого...

Теоретик Тишков. «А теперь — Горбатый! Я сказал — Горбатый!» — восклицал в аналогичной ситуации персонаж Высоцкого в популярном фильме. Мы подошли к анализу воззрений главного идеолога «российской нации».

Свой концепт «российской нации» Тишков усиленно продвигает с самого начала 1990-х, когда его взяли в правительство Гайдара на роль министра по делам национальностей. Именно тогда он сформулировал свое кредо: «Россия — это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством»².

Как он сам с гордостью отметил 14 лет спустя: «В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации». По-

стыдный приоритет, прямо сказать. Заразу «россиянства» Тишков передал Ельцину — вспомним его излюбленное обращение: «Дорогие россияне!». Ельцин повелся на эту голую блесну по своей глупости и невежеству; его не насторожило даже то, что энтузиазма такое обращение, мягко говоря, не вызвало в массах. После его бесславного ухода подобное обращение быстро вышло из моды. Но Тишков, как мы уже знаем, не успокоился со своей идеей-фикс.

Тишков — эпигон вчерашних кумиров западного обществоведения, давно развенчанных «конструктивистов»: Геллнера, Хобсбаума, Андерсона и др. Как и Михайлов, он, конечно же, отлично знает, что отечественная традиция этнологии и цивилистики рассматривает нацию не в связи с территорией и гражданством, а неотрывно от общности происхождения — как фазу развития этноса. Однако твердокаменный «демократ первой волны» Тишков пытается убеждать нас в неполноценности этой традиции по сравнению с западным образцом. Он внушает с апломбом: «Нужно отказаться от формулировки нации как высшей формы этнической общности». Он свято убежден в непогрешимости американской этнополитической модели и, быть может, именно поэтому обычно пренебрегает аргументацией. Ведь для него США — пример и идеал.

Именно как величайший позитив, достойный не просто подражания, а повсеместного утверждения, приводит он данные американской статистики: «В США, по переписи 1980 г., 12 млн. граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым “американское”, а более 80 млн. указали смешанное происхождение»³. Как хорошо было бы, с точки зрения Тишкова, что-

² Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января.

³ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: ИЭФ РАН, 1997. С. 16.

бы и в России население определилось бы подобным образом именно как «российское», а не русское, татарское, бурятское и т.д.! Ведь по его мнению, «оснований признать существование общероссийской гражданской общности, а тем более предпринимать усилия по ее укреплению, более чем достаточно», поскольку «рядовое сознание граждан здесь более гомогенно, чем сознание и установки интеллектуальных и политических элит»⁴. А уж коли пока что с тотальным «россиянством» не вытанцовывается, то по крайней мере надо взять пример со Штатов в формировании высших властных структур. И начать надо «с недавнего примера формирования президентом США Б. Клинтоном состава новой администрации. Президент открыто сформулировал принцип, что его кабинет из 14 человек должен “выглядеть, как Америка”, т.е. отражать этническую, расовую и половую мозаику общества... В итоге специальных усилий в кабинет вошли 4 афроамериканца, 2 испаноамериканца, 3 женщины и еще 2 женщины заняли должности, приравняемые к членам кабинета. Этот же принцип сейчас проводится при заполнении примерно 3 тыс. высоких должностных постов, которые обычно переходят к сторонникам победившей партии»⁵. На мой взгляд, в таком подходе нет ничего, кроме дешевого популизма и злостного идиотизма, но для Тишкова это — высший образец!

Американские и канадские стандарты играют роль шор на глазах Тишкова; но мы-то видим принципиальные отличия этих стран от России, не позволяющие применять данные стандарты в нашей стране:

1. США и Канада — страны, созданные эмигрантами, пришельцами, вторженцами; у этих стран нет и по определению не может быть государствообразующего народа. В Рос-

сии же такой народ есть, он единственный, и этот народ — русские.

2. Там «нация» — это поистине «воображаемое сообщество», фикция, обозначающая некий случайно сложившийся мозаичный конгломерат народов, затиснутый в общие государственные границы и связанный согражданством (именно поэтому Тишков и утверждает, совершенно ошибочно, будто «нация есть многоэтническое по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство»)⁶. В России же есть единственная реальная нация — русский народ, создавший некогда здесь свою государственность и самоопределившийся на всей территории страны.

3. В США коренные автохтонные народы загнаны в резервации, а все остальные пользуются нравственно оправданным равноправием — все будучи равными по положению пришельцами. В России же русские упорно не идут (и не пойдут!) в резервации, и никакое «равноправие» не покажется им справедливым в стране отцов, которую они получили в наследство и столетиями берегут от подобных хищных пришельцев.

И так далее.

Я мог бы и дальше излагать взгляды Тишкова от своего лица, но объективности ради предпочитаю обратиться к специальной статье «Что есть российская нация и российский народ. (Обобщающая работа В.А. Тишкова)»⁷. Ее автор, профессор МГИМО Владимир Согрин — обладатель о многом говорящей научной биографии: руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Совета Российской ассоциации историков-американистов, главный редактор «Американского ежегодника», лауреат

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 284.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251417057/Sogrin.pdf>

ат премии им. Н.И. Кареева за монографии «Исторический опыт США», «США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя» (2015). Словом, такой же заядлый демократ-западник, для которого Америка — эталон, а Тишков — высокочтимый идеал американофильства, достойный превознесения и пропаганды. Ангажированность этого тишковского апологета достигает таких степеней, что егоopus стал поистине квинтэссенцией трудов самого Тишкова, а потому достоин воспроизведения в наиболее существенных частях.

Итак, начнем с главного. Кстати, вы думаете, это Зорин изобрел тезис про «нацию наций»? Да нет, где уж ему. Как разъясняет Согрин: «Что такое, согласно Тишкову, российская гражданская нация? Это нация наций: в ней сосуществуют многие этнические нации — русские, тувинцы, башкиры, осетины, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы, евреи, армяне и др., абсолютно на равных включенные в главную, но уже не этническую, а гражданскую российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это российская нация, которая имеет сходство, но и определенное отличие от понятия российский народ. Российский народ — это территориальное сообщество, а российская нация — сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация, обладает некоторыми основополагающими признаками — проживает в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны».

Ничтоже сумняшеся, Согрин несет здесь обычную околесицу, опираясь, по сути дела, на понимание нации, за-

данное в свое время Иосифом Виссарионовичем Сталиным, как тогда было принято думать, «на века», но давно развенчанное и разгромленное наукой в целом и по частям. Путая, вслед за Тишковым, народ с населением, а нацию с согражданством, Согрин впадает в типовые заблуждения, профессионально разобранные еще в 2001 году в известной книге А.Й. Элеза «Критика этнологии».

Впрочем, что и взять с Тишкова или Согрина, которых давно и пожизненно ослепил «свет американской демократии» (выражение Буша-младшего). Недаром сей апологет Тишкова разъясняет для малосведущих читателей:

«Конкретные характеристики современной зарубежной гражданской нации чаще рассматриваются на примере США. Уделим им внимание и мы. США объединяют представителей многих расово-этнических наций (в американской социологической литературе их предпочитают называть этническими группами) — больше, чем во многих иных странах. Одна из известных тому причин — Америка страна иммигрантов, другая заключена в том, что демократизация и либерализация с 1960-х гг. иммиграционного законодательства привели к возобладанию среди иммигрантов — выходцев из множества азиатских, африканских и особенно латиноамериканских стран. Но все жители США, независимо от расовых и этнических различий, считают и называют себя американцами и демонстрируют наличие общей ментальности и приверженность общим ценностям. С 1960-х гг. эта американская гражданская нация все в большей мере включает качественные нововведения. Завоевание чернокожими в то десятилетие равных с белыми гражданских и политических прав, как и демократизация иммиграционного законодательства, повлекли рост самосознания небелых этнических наций.

В результате в американском гражданстве, наряду с прежним

“плавильным котлом”, создававшим гражданскую нацию на основе англосаксонского ядра, оформился феномен мультикультурности, означающий культурную автономию всех этносов. Это повлекло сжатие англосаксонского ядра гражданской нации, определенную трансформацию последней. Но протестов со стороны основной части политического класса, как и белой Америки, это не вызвало (хотя в латентном виде они присутствуют). Важной тому причиной было осознание и признание того, что оптимальный, максимально минимизирующий конфликты вариант развития США заключается в умелом сочетании интересов гражданской и этнических наций. При всем том за гражданской нацией сохраняется приоритет, а представители всех этносов считают себя американцами и гордятся этим».

Вот только этого нам, русским, тут в России, на земле, завещанной нам нашими предками, не хватало! Однако Согрин искренне считает «подобный диалектический вариант — “единство в многообразии”» всемирным общественным идеалом. И подчеркивает: «Тишков, на мой взгляд, резонно полагает и аргументированно доказывает, что он оптимален и для российского нациестроительства. Он современен, он демократичен, он создает максимальные возможности для снятия конфликтов между этническими нациями и утверждения внутри- и внешнеполитических интересов национального государства». И сетует на недостаток понимания тишковских подходов и идеалов со стороны «этнонационалистов» (не только русских), которые, видите ли, не желают «жертвовать интересами своей “титульной” этнической нации»...

Спрашивается: а мы должны-таки жертвовать интересами своих народов? Чего же ради — ради ваших идеалов, господ американисты?

Пытаясь защитить Тишкова и его безумную идею «превратить мышей

в ежиков» (Россию — в Америку, а русских — в россиян на манер американцев), Согрин упирает на то, что «Тишков неизменно подчеркивает, что используемые им дефиниции коррелируют с современной мировой обществоведческой литературой и, подобно последней, отражают мировую практику нациестроительства XXI в.». Следовало бы добавить: «и при этом врет безбожно, не брезгуя подлогом», поскольку на самом деле в «современной мировой обществоведческой литературе» отнюдь не наблюдается единомыслия по указанной проблеме. А уж о практике и говорить нечего! Взять хотя бы нациестроительство в Израиле или во всех до единой бывших республиках СССР...

Утверждать, что нация есть согражданство и ничто иное — все равно, что утверждать, что существует лишь один вид демократии — демократия а-ля США и более никакого. Совершенно такая же ложь и ерунда.

Но самое главное: идея о том, что нация есть согражданство, не только порочна логически и антинаучна, но также совершенно чужда русскому менталитету и русской научной традиции. Эта идея — часть того либерального концепта, который сложился на Западе, был экспортирован в Россию демократами горбачевско-ельцинского призыва, а сегодня с трудом преодолевается и сдает позиции. Причем не только в России, но, как видим, уже и на самом толерантном Западе, подавившемся мигрантами едва ли не до смерти. Пример Франции, Германии и т.д. уже очень ярко показал всему миру, что согражданство — это еще далеко не нация, и что, скажем, арабы или негры, сколько ни проживи они в этих странах, но французами или немцами от этого не становятся. Американцам, которые все иммигранты, выбирать, понятное дело, не приходится. Но для Европы, а тем более для России этот подход явно не годится.

Впрочем, и с американцами, кажется, не все так однозначно. Похоже, что Тишков оказался для России самым ярким, витринным представителем американского глобалистского либерализма, но притом именно такого, против которого сегодня восстала избравшая Трампа Америка. Нелепо получится, если в России будет осуществлен тот вариант национального строительства, который, возможно, вскоре отвергнет сама образцовая Америка...

Вообще, нельзя не видеть очевидного: мы живем в век «восстания этничности» (Соловей) — в противовес уже обрыдлой всему миру глобализации а-ля США. Так что Тишков явно предлагает России плыть поперек течения истории.

Зачем же нам оглядываться на западную, а тем более американскую традицию в обществоведении и нациестроительстве, ложную, основанную на идеализме, на культуре мнений, на диктатуре меньшинств и на специфике американской истории?

В свете всего сказанного, Тишков, Михайлов, Зорин, Согрин и им подобные, на мой взгляд, — не кто иные, как псевдоученые и обычные агенты Запада, волки в овечьих шкурах. Это все та же либеральная чума, но в особом квазиученном обличье.

Впрочем, не только опора на Запад дает этим людям силы проводить свою губительную политику и идеологию в жизнь. Вспомним снова постулат недоброй памяти Егора Гайдара: «Россия как государство русских в XXI веке не имеет смысла». Это лишь одно из дел и высказываний ельцинского любимца, обеспечивших ему поистине всенародную ненависть и осуждение. Но оно — важное, знаковое. А сегодня русофобское знамя павшего (как говорят, в неравной борьбе с алкоголем) Гайдара подхватили его приспешники, такие же системные либералы Тишков, Михайлов, Зорин. И иже с ними.

Альтернатива Тишкову, Михайлову и Зорину — есть

Вопрос о том, почему небольшая группка из троих тесно связанных между собой отставных министров по делам национальностей захватила командные высоты в деле формирования национальной политики в России, мне кажется ясен. Только поверхностные, несведущие умы могут считать их реальными специалистами, экспертами в данном вопросе. Если первый из названных — обычный ученый еретик, напивавшийся «правильными» западными стандартами, идеями и идеалами и возмечтавший транслировать их в «неправильно устроенную» Россию, то обоих других в научном мире можно вовсе не принимать в расчет. Но именно они оказались незаменимыми подручными для демократов ельцинского призыва, оседлавших нашу страну в 1991 году.

Поразительно, что Путин, ревизовавший почти всю политику Ельцина и поменявший почти всю ельцинскую былую команду системных либералов, губителей страны, почему-то оставил при делах названную троицу, доверив ей важнейшее из направлений внутренней политики. Объяснить это я могу только его тотальной некомпетентностью в данном вопросе и вынужденной необходимостью кому-то доверить его решение. Кому? Очевидно, тому, кто лучше прочих умеет пустить дым в глаза. А уж тут Тишкову и К° равных нет, как мы видели.

Сказанное не означает, что в научном мире России у этой тройки нет альтернативы. Более того, она возникла тогда же, в начале 1990-х, во многом как реакция на безответственное «творчество» Тишкова по национальному вопросу.

Одним из постоянных и настойчивых оппонентов Тишкова с тех самых пор является такой же доктор наук (кандидатскую и докторскую защищал по национальным отношениям) и такой же в прошлом министр по делам

национальностей, а ныне глава Дагестана Рамазан Абдулатипов, который после первых выступлений Тишкова в пользу «российской нации» даже обратился с открытым письмом к Ельцину, обвиняя «безнациональных ученых и политиков», которые «подбрасывают президенту западную идею нации как согражданства». Тогда же в адрес Института этнологии и антропологии РАН пришли запросы от лидеров ЛДПР В. Жириновского и А. Митрофанова с просьбой дать заключение: на каком основании появился и используется термин «россияне», который никакой народ не представляет и является своего рода эвфемизмом?

Что тут сказать? Абдулатипов-то явно поумнее Тишкова оказался. Кстати, в свою бытность министром именно он учредил тот самый Отдел русского народа (руководитель А.В. Никонов), ликвидированный впоследствии Вячеславом Михайловым. Однако, как видно, своими связями и влиянием, искусством лоббизма Рамазан Гаджимурадович до нашей лихой тройки не дорос и перевесить их совокупный «авторитет» не сумел.

Но в ученом сообществе не один Абдулатипов оказался противником выдуманной Тишковым «российской нации». Я, в частности, имею в виду докторскую диссертацию профессора А.И. Вдовина (истфак МГУ), которая так и называлась: «“Российская нация”». Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея» (вышла отдельной книгой в 1995 году).

Вдовин не случайно закавычил сам термин, подчеркнув этим его абсурдность и придав всей теме оттенок иронии. Ведь российскому ученому-нациеведу, к счастью, нет никакой необходимости оглядываться на Запад. Ему и без этого нетрудно определить по поводу нации, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция,

подвергать которую пересмотру нет никаких оснований. Сам Вдовин характеризует ее так: «В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития непременно с помощью обособленного национального государства»⁸.

На самом деле, добавлю, эта традиция сложилась еще в царской России, ей скоро уже... сто пятьдесят лет!

Практически идеальное и полностью соответствующее современному определению нации принадлежит знаменитому правоведа-цивилисту XIX века А.Д. Градовскому, который еще в 1873 году отчеканил на сей счет: «Совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого», которая при этом «имеет образовывать особую политическую единицу, то есть государство». Градовский прозорливо полагал, что народность есть «нормальное, естественное основание государства», а государство — есть «политико-юридическая форма народности». Если закрыть глаза на то, что автор, в традициях своего времени, пользовался термином «народность» вместо малоупотребительной тогда «нации», тут ни убавить, ни прибавить: нация вся как есть⁹. Стоит напомнить, что «Толковый словарь»

⁸ Вдовин А.И. «Российская нация». Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М.: Либрис, 1995. С. 28.

⁹ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873.

Даля разъяснял весьма точно и современно: «Нация ж. *Франц.* Народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия».

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом экзотистов-конструктивистов типа Тишкова, это понимание в своих главных, опорных тезисах — 1) нация есть фаза развития этноса, в которой он 2) создает свою государственность, обретает суверенитет — вполне утвердилось до степени постулата.

Указанные тезисы нашли, например, весомую поддержку не только у этнологов, но и у юристов. Назову для примера монографию петербургских правоведов-цивилистов П.А. Оля и Р.А. Ромашова, которая так и называется «Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)» (СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002). Авторы зашли к проблеме нации со своей, юридической стороны, перед тем проработав, однако, внушительный массив этнологической, социологической и социально-психологической литературы. Для нас их позиция весьма важна, ибо юридические формулы — логические, краткие и ясные — способны аккумулировать в себе в концентрированном и очищенном виде многие тома досужих дискуссий.

Оль и Ромашов пришли к выводу, что нация есть не только «сложная этносоциальная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который «может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основа-

нием правосубъектности национального образования»¹⁰.

Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности — значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета — значит, и статуса нации у общности нет.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. В чем и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: «Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос»¹¹. Таким образом, тождество суверенитета и государственности, а также государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Можно привести и другой пример. Московским государственным институтом международных отношений выпущен справочник по современной социологии, где рекомендуется такая формулировка: «*Нация* — высшая форма *этнической* общности людей, возникшая исторически в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности этнической территории и объединения людей, говорящих на одном языке и имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание...»¹². Здесь государство

¹⁰ Оль П.А., Ромашов Р.А. *Нация (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)*. СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002. С. 4.

¹¹ Оль П.А., Ромашов Р.А. Указ соч. С. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: «Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет — это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: “нет суверенитета — нет государства”» (Там же. С. 59).

¹² Учебный социологический словарь / Общая ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 1997. С. 90.

как форма бытия нации не упомянуто, но с очевидностью подразумевается.

Замечу попутно, что для любого западного исследователя национального вопроса дело привычно осложняется лексическим убожеством англоязычия: единым словом *nation* обозначается и собственно нация, и народ, и национальность, и даже, отчасти метафорически, государство, как это видно на примере ООН. Но при этом тот же язык дает и ключ для выхода из тупика, ибо корень латинского слова *natio* означает не что иное как «род». Точно так же, как русское слово «народ», латинское слово *natio* (оригинал, многочисленные копии с которого вошли едва ли не во все языки мира) четко и ясно обнаруживает этимологическую связь, указывающую на кровную, племенную сущность этого понятия. «Народ» и «нация» изначально тождественны. И в античные времена этим словом обозначалось именно племя¹³.

Но в наши дни неразбериха с самыми насущными понятиями «народ» и «нация» достигла в западном мире таких масштабов, что даже работа над основополагающими документами ООН, включая Устав этой организации, оказалась сильно затруднена¹⁴. Во многом, как выяснилось, это связано с тем, что оба термина имеют разные смысловые оттенки в английском, немецком, французском и русском языках. В итоге остановились на формулировке: «[термин] “нации” используется применительно ко всем политическим образованиям, государствам и негосударствам, в то время как [термин] “народы” относится к группам людей, которые могут составлять или не составлять государства или нации».

¹³ Оль П.А., Ромашов Р.А. Указ соч. С. 6–7.

¹⁴ A. Rigo Sureda. The Evolution of the Right of Self-Determination: A Study of United Nations Practice (Leiden: A.W. Sijthoff, 1973). Обзор точек зрения четырех государств-инициаторов и других участников в майской дискуссии в 1945 г. см. в: Ibid, 97–120.

Как видим, практическая потребность политиков хоть как-то договориться заставила разработчиков расширить понятия до полной размытости содержания. Наука, однако, не может следовать подобным путем, это очевидно.

Таким образом, налицо вполне разумная русская нациеведческая традиция, сложившаяся как противовес западному понятийному хаосу. Тишков, Михайлов и Зорин не желают с нею считаться? Они хотят плыть в фарватере западного обществоведения? Это факт их биографии, не более. Но мы-то с какой стати должны изменять себе? Почему позволяем этим горе-ученым морочить голову президенту России, а заодно и всей стране, населяющим ее народам?! Как известно, ошибки в теории дороже всего обходятся на практике.

Но вот вопрос, однако: а какова альтернатива идее-фикс Тишкова и К° насчет «российской нации»?

Вернемся здесь к докторской диссертации Александра Вдовина, который еще в 1995 году концепту «российской политической нации» противопоставил нечто принципиально иное, гораздо более актуальное.

Автор во введении обращает наше внимание на то, что в первом же из ежегодных посланий президента Ельцина Федеральному Собранию (1994) прозвучал тезис о том, «что существующие в нашей стране национальные проблемы (в том числе и вставший после распада СССР во весь рост “русский вопрос”) отныне будут решаться на основе нового понимания нации как согражданства»¹⁵. Это, как понимает читатель, результат первичной обработки Ельцина Тишковым. Вдовин цитирует и ныне забытого деятеля тех лет Владимира Шумейко (1993): «В последнее время... уже многие ученые, деятели искусства, просто думающие люди высказывают идею... о создании

¹⁵ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 23.

единой российской нации (по аналогии с американской), которая вберет в себя потомков всех народов, населяющих Российскую Федерацию». Формирование «единой российской нации» выдвигали как приоритетную задачу и другие политики ельцинского призыва. Французское понимание нации как согражданства (согласно которому граждане Франции арабского или негритянского происхождения могут быть «французами», а французского происхождения граждане Канады или Гвинеи — уже нет) было, при всей своей нелепости, общим для этих деятелей. Вдовин подчеркивает также, что «в русском зарубежье из представлений о российской нации как надклассовой совокупности всех национальностей российского государства исходила программа НТС (1948)», а также что «сходные представления о российской нации, включающей все народы России, разделяла такая экзотическая часть русского зарубежья, как русские фашисты»¹⁶.

Тут же Вдовин указывает и на главную «ахиллесову пяту» подобного концепта: «Государственное устройство нации, понимаемой как согражданство... не предполагает составных административно-территориальных частей, образуемых по этническому принципу»¹⁷. Поэтому в заключение профессор указывает: «Национальные интересы русского и других народов могут быть надежно защищены, если Россия станет государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселенных дисперсно»¹⁸.

Итак, мы видим, что продвижение концепта «российской нации» с самого начала находилось в приоритете

либеральной диктатуры Ельцина–Гайдара. Но и тогда против него находились неотразимые, весомые аргументы. С тех пор эти аргументы все росли числом и весомостью. Это проявилось, в частности, при обсуждении той самой Стратегии государственной национальной политики, авторы которой (все те же Тишков, Михайлов и Зорин) предусмотрительно заложили в нее пресловутый концепт «российской нации», вставший сегодня в повестку дня.

По данному поводу метко возразил протоиерей Всеволод Чаплин: «В проекте Стратегии делается упор на развитие “гражданской” или “политической” нации. Но не нужно опять идти на поводу у опорочившей себя и показавшей свою безжизненность идеи создания некоего “нового человека”, который будет лишен этнических характеристик. Этого “нового человека” пытались создавать в Советском Союзе, и сейчас пытаются сделать то же самое на Западе. Ничего не вышло».

Чаплину вторит, как ни странно, якутский парламент. Депутаты отмечают несовершенство дефиниции, данной в проекте Стратегии, где сказано: «Российская нация (многонациональный народ Российской Федерации) — сообщество граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)». Якутские парламентарии справедливо возразили: «Определение дано в европейском понимании, что не соответствует сложившемуся понятию аппарату российской науки и обыденному сознанию русских и напоминает повторение нашего недалекого опыта, когда в нашем многонациональном государстве пытались создать единый советский народ».

Интересно и неожиданно, что с критикой «россиянства» выступил даже доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ Эмиль Паин, который под-

¹⁶ Там же. С. 38–46.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 201–202.

визался у Ельцина в качестве советника по национальному вопросу. Казалось бы, он должен был быть близок бывшему соратнику Валерию Тишкову по взглядам: все же птенцы одного политического гнезда и почти одного веса. Но нет: 7 ноября 2016 года он выступил в журнале «Огонек» с оригинальным взглядом на одобрение президентом Путиным разработки закона о «российской нации».

Кстати, редакционная трактовка произошедшего сама по себе также заслуживает внимания; там весьма метко замечено: «Понятие “россияне” снова входит в моду: вот уже и президент поручил разработать закон о российской нации. До этого о гражданской нации в России предпочитали не говорить — речь шла либо о народе, либо о национальности, этносе. Новый “лексический переворот”, таким образом, обещает сделать небывалое и привить российскому национализму либерализм».

Так вот, Эмиль Паин, с одной стороны, доволен: «На мой взгляд, хорошо то, что население России постепенно приучают к словосочетанию “российская нация” после десятилетий сугубо этнического его понимания, скажем, русская, еврейская, армянская нации». С другой стороны, он считает, что «одновременно все более заметны признаки подмены сущности явления: вместо нации как общества, овладевшего государством и сделавшего его орудием реализации общественных (народных) интересов, предлагается подданническая “нация”, которая строится (во всех смыслах этого слова) государством, сверху. Происходящее можно назвать очередным историческим циклом реанимации политики “официальной народности”, которая всегда противостояла идее гражданской нации как общества, основанного на принципах народного суверенитета».

Как видим, перед нами своеобразная схватка монстров: ультралиберала кусает и рвет на части ультрадемократ.

Неприятие «государственного национализма» обосновывается Паиным тем, что сочиненная некогда министром Сергеем Уваровым «официальная народность стала возвращаться в своем третьем изводе... Для окончательного вызревания имперского национализма наступает очень благоприятное время, и тут государство как раз и анонсирует появление нового политического и социального феномена — российской нации».

Что же не устраивает в этом бывшего советника Ельцина? Он возражает с позиций последовательного демократа: «При всем желании обмануться и поверить, что речь идет о воспитании в народе чувства гражданственности, наблюдаемые факты не дают особых поводов для оптимизма. Важнейшим следствием циклического воспроизводства официальной народности является подавление гражданского самосознания россиян. Происходит атомизация общества, которая ведет к следствиям, хорошо описанным еще Эрихом Фроммом в книге “Бегство от свободы”: “Атомизированный человек поддается магическому влиянию того, что называется массовым внушением”. В начале и в середине 1990-х годов наблюдался рост гражданского самосознания, усиливалась поддержка идеи народного суверенитета. Во всяком случае в 1995 году почти 40 процентов россиян поддерживали идею: “Мы должны заставить государство служить нашим интересам”, но спустя 20 лет эта доля уменьшилась почти втрое. Стремление россиян к реализации принципа народного суверенитета падает. Не проявляется в России и другой важнейший признак роста гражданского самосознания — стремление к участию в управлении страной».

Я не уверен, что отмеченная Паиным корреляция встревожит современный истеблишмент. Однако Паин с вполне обоснованной тревогой напомнил также читателям о сталинской эпохе, когда «государственный национализм

развивался, а самодеятельный жестко преследовался: даже участники студенческих кружков, пытавшиеся изучать труды русских националистов, репрессировались, отправлялись в ГУЛАГ». Вот эта рубашка гораздо ближе к нашему русскому телу, и я лично склонен разделить данную обеспокоенность автора.

С юридических и философских позиций Тишкову возражает академик РАН и РАЕН, ректор Московского гуманитарного университета И.М. Ильинский. Он подметил: «В Конституции России понятие “нация” отсутствует. Первая строчка Основного Закона звучит так: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации”... “Народ”, но не “нация”... В нынешней России 186 наций, народов и народностей... Численность четырех народов переваливает за миллион (армяне, башкиры, чеченцы, чуваш) и двух народов — за два миллиона человек (украинцы — 2 млн. 942 тыс., татары — 5 млн. 554 тыс.)... И вот этот “коктейль” можно назвать “российской нацией”?».

Суть проблемы, не позволяющей сказать, что ныне российская нация существует фактически, — в острейшем дефиците единства и общности национальных интересов в сознании большинства населяющих Россию наций, народов и народностей. Нынешняя Россия — страна, расколотая по многим основаниям: политическим ориентациям, уровню благосостояния, в том числе (а может, прежде всего) по национальному чувству и самосознанию. На вопрос иностранца: “Кто ты?” — мало кто ответит: “Я — россиянин”, чаще скажет: “Я — русский”, “Я — татарин”, «Я — еврей»... Или: “Из России”...

На мой взгляд, главная проблема России в том, что наше государство не имеет внятно сформулированной идеологии. А государство без идеологии, состоящее только из экономики (да и та в основном в виде нефтевышек, га-

зопроводов), — это парадокс... Там, где нет идеологии, там нет и нации. Только идеология может скрепить любое достаточно большое человеческое объединение, тем более многие нации и народы в Целое на уровне массового сознания. Тогда из народа возникает нация. Поиск новой идеологии для России — это поиск универсальности, такой идеологии, которая могла бы объединить людей в большом масштабе — в сверхнациональном, наднациональном, если говорить о российской идеологии, а не об идеологии русской, татарской или какой-либо другой нации. Идеологии для всех наций, а не только какой-то одной. Однако в России согласно Конституции “признается идеологическое многообразие” (ст. 13, п. 1) и “никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной” (ст. 13, п. 2). Ситуация тупиковая».

О том, что новую единую нацию невозможно создать «сверху», написал в своем исследовании «Этносословия современной России (на примере Башкирии)» башкирский этнополитолог Рустэм Вахитов. Он совершенно справедливо заметил, что «невозможно совместить создание единой нации и заботу о развитии народов РФ».

Вахитов пишет: «Нация возникает снизу как общественный договор гражданского общества, проходя через “плавильный котел”, в котором через дискуссии вырабатывается государственная идентичность». Он утверждает, что сегодня Россия в нацполитике идет по пути СССР, когда удалось создать «не единый советский народ, а многонациональный ансамбль народов с множеством разных идентичностей» и «систему этносословий, как в царской России». Он предсказывает, что в ближайшее время государство вернется к созданию «учетных этнических групп, члены которых будут записаны в специальных учетных документах», что облегчит управление страной. «Чтобы выделять преференции, надо

знать, кому их дать, так же как надо знать, с кого спрашивать за выполнение тех или иных функций». Понятно, что такая практика на деле уничтожит «российскую нацию» в идее, сколько ее ни декларируй.

Наиболее последовательно и подробно против концепта «российской нации» и попытки его законодательного воплощения выступил доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО Валерий Соловей. Он обобщил большинство тех возражений и опасений, что уже фигурировали выше. В связи с чем я помещаю его интервью РИА «Новый День» от 11 ноября 2016 года целиком:

«...По его мнению, государство планирует реализовать этот проект только для того, чтобы не потерять власть над людьми, но национальные вопросы “из-под палки” не решить.

“Сейчас совершенно очевидно не место для реализации этой идеи. Для нее нет подходящих условий. А почему власть сейчас предложила? Власть боится ослабления единства страны и того, что стало сепаратизмом. И второе, она чувствует, что общество начинает сомневаться в лояльности по отношению к государству, по отношению к начальству. Власть хочет еще одну скрепу, еще одну узду накинуть на общество, но это вряд ли получится. Я бы сказал, что это абсолютно точно не работает”, — сказал Соловей.

По мнению эксперта, из-за критики, которая обрушилась на проект “российской нации” со стороны экспертов и его “глухого отторжения” на массовом уровне, идею все-таки не будут реализовывать.

“Это как в том стихе — что ни делает дурак, все он делает не так. Я полагаю, что за реализацию не возьмутся, что никакого законопроекта не будет. И это было бы со стороны власти как раз проявлением политического реализма и трезвости в оценке ситуации”, — считает профессор.

Он пояснил, что для того чтобы реализовать идею о “российской нации” власти придется не только сформулировать определенный набор ценностей, но и транслировать их в общество, показывая пример.

“Сама по себе идея необходимая и даже теоретически правильная, потому что любая страна нуждается в общности, в сплочении на основе неких ценностей. Но ценности транслируются в общество сверху вниз — внизу копируют те модели поведения, которые демонстрируют наверху. Этим условий, то есть практик совместного делания, и трансляции позитивной идеи нет”, — отметил Соловей.

По его оценке, чтобы сплотить страну, нужно не придумывать искусственную систему, а формировать общность народа в результате “совместного делания”, когда в общность подложены какие-то практики, например, защита родины или реализация большого проекта.

Соловей считает, что если такие условия для формирования гражданской нации не будут соблюдены, то эта идея может превратиться в “фантазм”, причем опасный.

“Если вдруг примут закон об этой российской нации, то всякий, кто скажет, что он не считает, что нация существует, что он хочет быть русским, чеченцем, татарин, — может быть обвинен в нарушении законодательства и преследоваться по какой-нибудь из наших дурацких уголовных статей”, — обратил внимание эксперт.

При этом, по прогнозу Соловья, недовольных принятым законом может быть много.

“Возникнет конфликт между навязанной гражданской идентичностью и этнической. В теории, одно другому мешать не должно, но у нас в России, поскольку все делается странным образом — начнут навязывать. Люди это воспринимают именно как навязывание — то, что от них требуют отказаться от их (традиционной этнической)

принадлежности. Это мало кому нравится», — констатировал Соловей.

Он также добавил, что призыв отказаться от этнической принадлежности вызовет протест даже среди тех, кто раньше не сильно задумывался о своем национальном самосознании.

«Это вызовет протест. Может быть, не потому что люди ею (этничностью) так дорожат, но отказываться от собственной идентичности — никто не хочет. Я уже не говорю о том, что у людей старшего поколения это вызовет воспоминания о том, что была такая новая историческая общность людей — советский народ. А формулировка российской нации, которую предлагают, очень похожа на ту формулировку. Но советский народ был, да весь сплыл», — отметил эксперт¹⁹.

Не могу не отметить в завершение, что концепт «русской нации» вызывает возражения не только у политологов и обществоведов, но даже и у коллег Тишкова — антропологов. К примеру, с его критикой выступил Денис Пежемский, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ антропологии МГУ, заместитель директора Центра палеоэтнологических исследований. Он напомнил об опыте построения таких искусственных образований, как «советский народ» и «дорогие россияне», и как советское руководство намеренно и упорно избавлялось от понятия «русский». Он справедливо усмотрел в такой новации повторение ошибочной национальной политики советской власти:

«Полистайте и учебники, и справочники, и даже детские энциклопедии советского периода, вы найдете словосочетания “украинский советский народ”, например, или “белорусский советский народ”. Нигде не найдете “русский советский народ”. Просто такого нет...

Совершенно очевидно, что национальная политика Советского государства была, в общем, неоднозначной. А если переходить на совсем хлесткие выражения, то она, конечно, была провальной — ровно потому, что первые 25 лет (то есть четверть века!) зачеркивалось и вытравливалось любое упоминание о предшествующем периоде, о той почве, на которой стояло государство, а это — русские, государствообразующий народ, то есть более 90% населения... Подчеркивалась любая этничность, кроме русской. Слово “русский” было заменено на “советский”. Первые 25 лет она просто уничтожалась умышленно... Это, конечно, была государственная политика».

Пежемский резюмирует вполне пессимистически: «Никакую российскую нацию невозможно “построить”»²⁰.

* * *

Я привел эти многочисленные мнения не последних в области нациеведения людей для того, чтобы утвердить читателя в мысли: Тишков, Михайлов и Зорин — не только не единственные авторитеты в данной сфере. Они — скорее исключение в российском ученом сообществе — сознательно противопоставили себя отечественной традиции, приняв символ веры Запада для себя и стараясь навязать его России и ее президенту.

Главный вывод, который следует отсюда: Путину пора менять советников в национальном вопросе. Пристойно ли ему, сумевшему преодолеть негативные последствия ельцинизма во многих сферах внешней политики, экономики, военного строительства и т.п., продемонстрировать откровенную преемственность и зависимость национальной политики от демократов «первой волны» ельцинского разлива? Пристойно ли ему, сумевшему перед

¹⁹ <https://newdaynews.ru/moskow/585265.html>

²⁰ <http://tsargrad.tv/article/2016/11/15/rossijskaja-nacija-sovetskij-narod-20>

лицом всего мира показать моральную и политическую альтернативу западному образу мысли и общественного устройства, ориентироваться на уже провалившуюся на наших глазах модель западного решения национальной проблемы, национального обустройства?

Ответ, мне кажется, может быть только один. Идея «российской нации» обанкротилась еще до своего рождения, и это надо учесть и не пытаться воплотить ее в жизнь, насилуя естественно-исторические обстоятельства и сознание миллионов.

О причинах тяги к нацистостроительным экспериментам

Пора подводить итог всему сказанному. Мы разобрались почти во всем, в чем следовало разобраться предварительно: мы поняли, кто и что говорит нам по поводу «российской нации». Осталось понять, почему сегодня саму эту проблему предъявили обществу для осмысления и обсуждения, каковы мотивы и намерения тех, кто вбросил ее в общественное сознание. После чего можно будет вынести окончательное суждение о предмете разговора.

Кто инициировал разговор о «российской нации» — понятно: вначале горе-ученый Валерий Тишков, обуянный мечтой все сделать в темной России, как в сияющей просвещенной и демократией Америке, привил идею «россиянства» сперва Ельцину, а потом, уже совокупными усилиями трех экс-министров по делам национальностей, ее удалось привить и Путину.

Понятно также и то, почему Путину могла показаться привлекательной идея «российской нации», почему он 31 октября 2016 года вдруг так неосторожно и публично включился в эту игру. Тому есть две причины.

Во-первых, перед Кремлем действительно стоит задача консолидировать все население России, независимо от этничности и шлейфа межнацио-

нальных отношений, далеко не всегда благостных. Некогда Лев Гумилев не зря предложил классифицировать национальные отношения по критерию комплиментарности или некомплементарности, ведь он неплохо представлял себе историю нашей страны. А эта история такова, что в ней под единым гербом соединились народы, имеющие давние и немалые исторические (в том числе кровавые) счета друг к другу: осетины и ингуши, балкарцы и кабардинцы, башкиры и татары, якуты и эвенки, эвенки и эвены и т.д., и т.п. Некоторые (например, мусульмане) имеют претензии к евреям. Не говоря уж о том, что у весьма многих народов злопамятные счета припрятаны по отношению к русскому народу (как написал один поэт, считающий, что русские в долгу у евреев: «Счета сохранны, но не сведены»). Ведь что ни говори — а история России есть история колонизации, отнюдь не всегда мирной, русскими людьми разнообразных земель на все стороны света от Москвы — читайте об этом классический труд академика М.К. Любавского «Очерки истории русской колонизации».

Это причина объективная, общественная. Именно она сегодня побуждает ретивых педагогов исключить из единого учебника истории России различные реально бывшие эпизоды, могущие, по мнению перестраховщиков от политики, напрячь межнациональные отношения. Например, эпизод татарского ига, который сегодня кое-где считается «хорошим тоном» замалчивать, а то и вовсе отрицать. Так сказать, лицемерие и двоемыслие на марше.

Исходя из этой причины, я полагаю, путинские советники по нацвопросу и предложили ему катнуть пробный шар: а не согласятся ли все российские народы утопить и растворить свое национальное первородство в некоей искусственной «российской нации», отбросив вместе с национальным своеобразием, с национальной исто-

рией — взаимные счеты и претензии. Этим-де и будет достигнуто желаемое единство. Мысль глупая, недалекая, под стать самим ученым советникам, но как известно, утопающий и за соломинку хватается.

Во-вторых, есть причина и субъективная, личная. Дело в том, что правители России — цари, генсеки, Политбюро, Ельцин, Путин — все всегда хотели быть «отцами нации». Все хотели добиться лояльности всех народов, все, едва ли не со времен Ивана Грозного, активно вводившего татар в состав правящей верхушки, ладились быть царями «для всех» — чтобы все были верноподданными для них. И Путин тут не исключение, поскольку такова общая логика власти в полиэтнической стране.

Но дело-то все в том, что нам, русским, то есть — восьмидесяти с лишним процентам населения, становому хребту страны, до смерти надоела безотцовщина. У нас есть Родина-Мать, но с 1917 года и до сих пор нет отца. А на троне вот уже сто лет сменяют друг друга разнообразные отчимы, у коих бегают по двору полторы сотни разных приемных ребятишек, все одинаково свои — и все одинаково чужие. Хватит с нас такого положения вещей!

В октябре 2014 года на Валдайском форуме Путин произнес очень ко многому обязывающие его слова: «Самый большой националист в России — это я». Правда он не пояснил, о какой нации идет речь: о реальной русской или о выдуманной с благими намерениями «российской»? В тот момент, после триумфального воссоединения с Крымом, все русские услышали то, что им бы и хотелось (т.е. первый вариант), и рейтинг президента взлетел до небес. Но его же реплика про «российскую нацию», сказанная в Астрахани 31 октября прошлого года, многих заставила заподозрить второй вариант.

На кону оказалось весьма многое из-за этой опрометчивой путинской фразы. Как бы президенту не разми-

наться с основным народом его страны, не потерять его доверие...

В данной связи хочу привести характерный отзыв на путинский призыв. Этот отзыв дал депутат Госдумы VII созыва, а по совместительству председатель партии «Родина» Алексей Журавлев. Он попытался сесть на два стула сразу, соблюсти максимальную лояльность сразу двум господам: президенту Путину, с одной стороны, и русскому народу, от имени которого хотел бы выступать, с другой. Ради этого пришлось дать такую интерпретацию путинскому выступлению, какой, думаю, сам Путин никак не ожидал бы. В заметке, озаглавленной «Закон о русской политической нации — не прихоть, а государственная необходимость» (сайт АПН 8 декабря 2016) Журавлев ожидаемо обосновал необходимость закона: «Ведь единство нашего народа, гармоничное развитие всех наций и народностей, населяющих нашу необъятную Родину — неперемennое условие стабильного и поступательного развития страны». И заверил заинтересованных лиц: «Мы, партия “Родина”, всегда были сторонниками формирования единой политической нации и сформулировали соответствующие предложения». Но, Боже правый! О какой единой политической нации ведет речь Журавлев? Паче чаяния, это оказалась не «российская», а «русская политическая нация».

Причем Журавлев и тут предусмотрительно и сверхлояльно сослался на «слова нашего Президента, сказанные на последней сессии клуба “Валдай” в ответ на просьбу сформулировать, что такое национальные интересы России: “То, что хорошо для русского человека, — то и национальные интересы России и вообще для народов Российской Федерации”. Считаю это исчерпывающим ответом тем, на кого слово “русские” до сих пор действует, как красная тряпка на быка».

Практическое наполнение журавлевской идеи просто и радикально:

«Разделение нашего народа по этническому принципу, на “русских” и “нерусских”, особенно при сохранении еще советского административного деления страны, как раз угрожает народному единству и территориальной целостности России. Все мы — русские в гражданском и политическом смысле». А что сей постулат значит? Это значит, что нам, с помощью законодательства, предстоит переделывать не русских — в «россиян», а напротив, всех тех самых россиян — в «русских»! Без сомнений, такая попытка Журавлева забежать впереди паровоза — предвосхитить будущий законопроект, дабы принудительно скопом записать в русские всех нерусских жителей России — заслуживает названия остроумной.

Для «Родины», преемницы Конгресса русских общин, подобная мысль не нова, перед нами своего рода идея-фикс, ведь еще бывший идеолог КРО Андрей Савельев писал (как бы ведя диалог с собственной бабушкой-татаркой): «Мы должны говорить не “татары-россияне”, “коми-россияне” и т.д., но “русские татары”, “русские коми”, “русские евреи” и т.д. В былые времена прилагательные “российский” и “русский” были абсолютными синонимами. Поскольку ситуация изменилась, нужно обратиться к более четкому исконному прилагательному “русский”, а прилагательное “российский” употреблять значительно реже».

На мой взгляд, не мешало бы для начала спросить татар, коми, евреев и др., хотят ли они сами называться подобным образом. Да не одного-двоих прикормленных функционеров, а на уровне если не референдума, то максимально репрезентативной выборки. Уверен, результаты опроса сильно огорчат и разочаруют наших замечтавшихся прожектеров. Ну, и есть большие сомнения, что Журавлеву удалось угадать замысел Путина на сей счет...

Впрочем, что решит Путин, предсказывать рано. Возможно, услужливая

статистика предоставит ему данные социологических опросов, подтверждающие радостную готовность большинства русских принять «российскую идентичность». Возможно, Путин уговорит себя поверить в эти цифры.

Но давайте вспомним недавний опыт. Еще в 1986 году по опросам социологов 78% русских назвали себя советскими, и только 15% — русскими (в то время как 90% эстонцев считали и называли себя эстонцами). Однако это мнимое «осоветчивание» русских нисколько не помешало крушению Советского Союза и советской власти. А когда это крушение произошло, те же социологи уже в 2003 году отметили, что 45% русских считают себя «русскими» (этот процент вырос на 30 пунктов) и лишь 16% — «советскими» людьми (падение на 62 пункта). Мало того: удельный вес жителей России, поддерживающих лозунг «Россия — для русских!», вырос с 43% в 1998 г. до 58% в 2002 году (у собственно русских этот процент был равен 72,5). Причем, что очень важно, если в 1998 г. этот лозунг характеризовали максимально отрицательно 30%, то в 2002 г. — лишь 20% населения, т.е. примерно столько, сколько в России вообще нерусских. Вот такой тектонический сдвиг всего за какие-то пятнадцать лет! Призрачный образ быстро развеялся, подлинная национальная суть обнажилась...

Мораль не нова: гони природу в дверь — она влетит в окно. Естественное национальное начало в конечном итоге всегда победит искусственно изобретенную и насильно навязанную идентичность, которая в час роковых испытаний не сможет оправдать возложенных на нее надежд. Можно, конечно, в угоду большим дядям, повторить эксперимент с «новой исторической общностью людей» (были некогда «советские», а теперь пусть будут «россияне»), но надо твердо знать и понимать, чем вся эта ерунда непременно кончится.

«Если нельзя, но очень хочется, —

то можно», — любят говорить у нас в России. Вот для того, чтобы даже у самых тупых не оставалось желаний побаловаться с экспериментами такого рода, я в сжатом виде суммирую ниже все доводы против «российской нации», чтобы все-все поняли, почему все-таки «нельзя». Многие аргументы уже высказывались выше как публикой, так и экспертами, к ним я добавляю свои соображения, накопившиеся за десятилетия постижения этнополитики вообще и русского вопроса в частности.

Почему нельзя

I. Начнем с теоретических основ (подробнее см. в моем учебнике «Основы этнополитики»).

Тишков и его поделельники и клеветы уверяют «дорогих россиян», что их трактовка нации как согражданства является-де общепринятой в науке и жизни (вариант: «в цивилизованном мире»). Это не что иное, как беспардонное вранье.

Я имел удовольствие внимательнейшим образом изучить все, что об этносе и нации писали отечественные и зарубежные этнологи, и нашел все это весьма противоречивым²¹. И не я один. Чудовищный и неотразимый разнос «специалистам» тишковского образца учинил А.И. Элез в своей монографии «Критика этнологии» (он разбирается в этой науке куда лучше, чем узурпировавший ее Тишков), а к этому разному добавил пару разгромных глав В.Д. Соловей²². Вывод однозначен: не существует общепринятых представлений о том, что такое этнос и нация (Элез). Этот вопрос необходимо досконально прояснить.

В мире уже более двухсот лет известны (приняты и действуют) две па-

раллельные концепции нации²³. Они принципиально не совместимы одна с другой.

Первая, этатистская, политическая, именуется в науке «французской» концепцией и трактует нацию как согражданство безотносительно к этничности — просто население страны, замкнутое государственной границей, ни больше, ни меньше. Общность происхождения не включается в число признаков такой нации. Образец подобных наций нам представляют Франция, США, Канада, бывший СССР. Однако нацией такое население можно назвать лишь по недоразумению и вопреки всякой логике, ибо тогда французы, проживающие за пределами Франции — скажем, в британском протекторате Канаде или в бывшей французской колонии, а ныне независимой Гвинее, — это якобы уже вовсе не французы, а всего лишь франкоязычные. Зато настоящими французами приходится признавать негров и арабов — граждан Франции... Бред? Да. Но такова реальная французская практика, в том числе юридическая. Она противостоит естественной. Данная вполне абсурдная концепция действует только в тех, относительно немногих, странах, где государствообразующий народ либо отсутствует, как в США, либо по какой-то причине отрешен от своей исторической роли.

Вторая концепция, естественно-историческая, именуется в науке «немецкой». Она, восходя к Гердеру, немецким романтикам и Гегелю и опираясь на принципы «народного духа», культуру, а главное — *общность происхождения*, рассматривает нацию как *высшую фазу развития этноса*. Фазу, в которой этнос обретает свой суверенитет посредством создания собствен-

²¹ См. : *Севастьянов А.Н.* Этнос и нация. М., 2008.

²² См. : *Соловей В.Д.* 1) Русская история: новое прочтение М., 2005; 2) *Кровь и почва русской истории*. М., 2008.

²³ Обе эти концепции детально разобраны в статье: *Коротеева В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // *Pro et contra: Альманах*. Т. 2. № 3. Лето 1997. С. 185–203.

ной государственности. Эта концепция действует в странах (их большинство), где государствообразующий народ существует и остается таковым. В России в том числе; недаром в ней утвердилась, как показано выше, именно такая концепция нации, органичная для нашей страны.

Итак, отделим, как выражается наш президент, мух от котлет: для большинства стран и конкретно для России нация — это не согражданство, а согражданство — не нация. И только в некоторых, по большей части новых, искусственно созданных странах нацией вынужденно называют согражданство, хотя суть дела от этого не меняется. Вещи следует называть своими именами. Затвердим же раз и навсегда: нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности. И — более краткое, но равнозначное определение: нация — это государствообразующий этнос.

К сожалению, многим политикам свойствен самодурственный настрой и желание поэкспериментировать в области нациестроительства. Одни хотят записать скопом всех россиян — в «русские», другие так же скопом всех русских в «россияне». Глупо и то, и другое, а равно неприемлемо и для тех, и для других. Снова приходится напомнить элементарное. Русские — это народ, а не скопище полукровок. Мы, русские, не связаны общим происхождением ни с бурятами, ни с тувинцами, чукчами, чеченцами, евреями, татарами и т.д. У нас нет общих предков. Поэтому мы с ними не составляем, при всем уважении, один народ, одну нацию — и составлять не можем. Согражданство России — да, ее население — да; народ, нацию — нет, никогда.

Необходимо также понимать в данной связи, что научный спор о сущности нации нельзя разрешить законодательно: это был бы нонсенс и возврат к худшим политическим практикам со-

ветской власти. Никакой закон «о российской нации» невозможен в принципе, исходя из элементарной этики интеллектуальной деятельности. И ясно ведь, что нации создаются не законодательным, волюнтаристским путем, скачкообразно, а путем долгого и поэтапного исторического развития.

Хуже всего то, что такое надуманное, искусственное сообщество непременно будет фиктивным и при первом серьезном испытании распадется на естественные этнические составляющие, как распался «советский народ» или так и не состоявшиеся «югославы».

II. Теперь отставим в сторону теорию и рассмотрим вполне практические негативные последствия, которые рискуют весьма осложнить жизнь нашей России, если будет принят закон о «российской нации», вот уже четверть века лоббируемый Тишковым и К. Думается, уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова не случайно предложила вынести этот вопрос на всенародное обсуждение и референдум, почувствовав по крайней мере некоторые из подводных камней, скрытых в проекте. Кое-какие из этих камней я здесь назову.

II.1. **Изменение государственного устройства.** Утверждение «российской нации» с неизбежностью потребует, во-первых, ликвидации асимметрично-федеративного устройства, национально-территориального деления России. С последующим переходом к унитарному государству. Не «Татарстан» и «Башкортостан» появятся тогда на новой карте России, а Казанская и Стерлитамакская губернии (Уфа, скорее всего, станет столицей иной губернии с преимущественно русско-казачьим населением). И т.п.

А во-вторых, соответственно, в повестку дня встанет ликвидация национальных элит, отрыв их от корней и превращение в безнациональный правящий класс.

Ибо о какой «российской нации» может идти речь, если у татар, башкир, чеченцев, евреев, якутов, адыгов и т.д. есть свои национально-территориальные образования (государства в государстве), свой суверенитет, свои правящие круги (этнократия де-факто)? И они не собираются отказываться ни от своего суверенитета, ни от своей особой, отдельной от «российской» национальной идентичности, ни от этнократии?! Где же логика? Почему 21 народ России (за вычетом, между прочим, государствообразующего) оказался наделен эксклюзивными правами и возможностями, которых лишены остальные сто с гаком народов? С этим наследием сталинской национальной политики, грубо противоречащим, между прочим, ст. 19 действующей Конституции России, придется покончить. Следует выбирать что-то одно из двух: либо «россияне» — либо «татарстаны». А понятие «титulyных наций» мы принуждены будем сдать в архив.

Разъясняя этот пункт, приходится вновь вспомнить важный аналог: как создавался СССР, как создавался «советский народ». Решающим, важнейшим и, я бы сказал, непреложным условием было уничтожение национальных элит всех национальностей бывшей Российской империи. Обезглавленные народы оказалось несложно заново соединить в едином государстве, сплотить на классовой основе, ведь простым людям делить нечего. Исключением, естественно, оказались лишь страны, до элит которых большевикам не удалось дотянуться: Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Бессарабия. Притом ликвидация элит проходила в несколько этапов по мере их выростания: 1) в ходе Гражданской войны и последующей зачистки всего общества от «бывших людей»; 2) в 1930-е годы (тут под удар попали в свою очередь прибалты, молдаване и западные украинцы); 3) в конце 1940 — начале 1950-х гг.

Парадокс в том, что в послесталинском Советском Союзе утверждение официозом модели «советского народа» пошло врезрез с реальным процессом восстановления национальных элит, уничтоженных было советской властью. Поскольку вслед за ростом элит немедленно каждый раз вырастал и национализм народов СССР, похоронивший в конечном счете и страну, и пресловутый «советский народ».

Нетрудно предсказать, что, вынужденная подавлять национальные элиты во имя создания единой «российской нации», современная центральная власть России не сможет быть последовательной, не сможет использовать сталинские методы. А это значит, что аналогичный финал всей затеи последует столь же неизбежно и радикально, только в гораздо более сжатые сроки. Сопротивление этнической нивелировке со стороны всех (не только русской!) национальных элит воспоследует обязательно. Вообще принудительное навязывание (с помощью нового закона) псевдообщности «российской нации» будет многими народами наверняка воспринято как покушение на свою национальную идентичность. Не знаю, как отзовутся на это русские, но большинство этносов уж точно возмутится. «Вы что же, хотите нас всех размешать, смешать между собою, растворить друг в друге? — такие обвинения непременно обрушатся на головы инициаторов. — Вы прикрываетесь интересами России, якобы, а на деле сталкиваете интересы государства с интересами народов, в первую очередь государствообразующего народа».

Если же начнется усиленная денационализация элит и возникнет угроза перехода к унитарному государству (а все это, по логике, должно производиться ради «единства российской нации»), нетрудно предсказать негативную реакцию многих этносов, но трудно предсказать пределы, до которых она дойдет.

Уже только по одной этой причине можно утверждать, что консолидировать население России с помощью идеи и закона о «российской нации» не стоит даже надеяться. И думать нечего: эффект будет прямо противоположным!!

Подтверждением сказанному уже служит заметка «Регионы выступили против закона о российской нации» (АПН, 5 декабря 2016), где говорится: «Новый закон о российской нации, принятие которого инициировал президент РФ Владимир Путин, неожиданно вызвал резкую критику со стороны руководителей национальных республик... “Закон о создании нации в природе существовать не может, он не принят фактически ни в одном государстве мира”, — заявил глава Дагестана Рамазан Абдулатипов. “Абстрактное обобщение в этой очень тонкой сфере может вести к потере уникальности и самобытности. Поэтому я категорический противник данного закона”, — сказал депутат Госсовета Чувашии Виктор Ильин». То есть идея «российской нации» уже зарекомендовала себя как раздражающий фактор в национальных регионах.

Спрашивается: на чью же мельницу польет воду новоиспеченный закон о «российской нации»: на мельницу объединителей или расчленителей России? На мельницу унитаристов или национал-сепаратистов? Второе очевидно.

II.2. Подмена истинной внутренней скрепы России — фальшивой и ненадежной. Судя по разъяснениям адептов «российской нации», в это сообщество, как оно принято в США, войдут на равных правах не только все большие и малые коренные народы, но и национальные меньшинства и даже свежееиспеченные иммигранты. Ведь так это делается во Франции, Германии, Голландии. Пусть-де коренные народы смешаются с пришлыми, будет одно целое, с одним сознанием общего

на всех «россиянского патриотизма». Это сознание-де и послужит скрепой для всей страны.

Что на это возразить?

Во-первых, мы уже насмотрелись на то, какую «скрепу» получили те страны несчастной Европы, которые неосмотрительно стали раздавать гражданство национальным меньшинствам и всевозможным гастарбайтерам. Мы уже знаем, видели на примере всего Запада, чем оборачивается попытка абсорбировать мигрантов. Навязанный Америкой Европе собственный либеральный пример оказался для последней явно губительным. Судя по всему, конфликт между автохтонами и различными диаспорами на всю обозримую перспективу станет только разрастаться и обостряться, приводя Запад к все новым потрясениям.

Вопрос стоит максимально остро: быть ли русским полноправными хозяевами своей страны — или Россию пустят под тот же нож либерального мультикультурализма и всесмешения, под который уже попали США, Франция, Германия и другие западные страны. Сегодня они, кажется, начинают пытаться вывернуться из-под смертельного удара этой гильотины, вызывая наше сочувствие. Хотим ли мы, чтобы завтра все переменялось, чтобы уже Запад сочувствовал нам, повторяющим его ошибки?! Умный, как известно, учится на чужих ошибках. Дураку, конечно, и свои не впрок...

Во-вторых, у нас есть и собственная большая память (кстати, о своих ошибках). Коммунисты, правившие нашей страной, в свое время не поняли и не оценили простой факт: единственной реальной скрепой, на которой мог держаться СССР, являлся русский народ. Коммунисты надеялись на совсем другие скрепы: на армию, на финансово-экономическую систему, на союзные КГБ, милицию и прокуратуру, на КПСС, на объединяющую идеологию победителей Гитлера и строителей коммунизма, на «общие ценности»...

Все это рухнуло к чертям собачьим, как соломенный домик Ниф-Нифа, когда задул Серый Волк.

Для России, где русские, вместе с разноэтничными ассимилированными элементами, желающими быть русскими, составляют примерно 90% населения (в СССР процент русских был равен 50,63), их значение как единственной надежной скрепы для всей страны возросло неизмеримо. Нация — это не сумма меньшинств, как обманом пытаются внушить нам либералы. Нация — это как раз-таки большинство. А большинство у нас в России — это русские. Если на что-то и можно твердо надеяться, делать главную ставку в стремлении сохранить страну единой, так это, в первую очередь, именно русский народ. Быть может, не только на него. Но в сравнении с ним в этой роли все остальное — мелко и ничтожно, а надежды на это «остальное» — иллюзорны. Без русских, в обход русских ничего не получится. Можно, конечно, в угоду политкорректности делать вид, что все не так, но тогда нечего и думать удержать страну в целости. Особенно ненадежны идейные скрепы, так называемые «общие ценности», включая пропагандируемый тишковыми безродный патриотизм и великодержавный космополитизм: в этом состоит важнейший урок распада СССР.

Как же отразится принятие закона о «российской нации» на положении и — самое главное — на национальном самочувствии этой главной, если не единственной скрепы нашей Родины, на русском народе?

Думаю, что большинство русских, как и я сам лично, никогда не станут называть себя «россиянами». Что, в самом деле, за унижительная блажь? С какой стати нас надо называть по имени страны, которую саму назвали по нашему имени? Это все равно, что левой ногой чесать за правым ухом. Какой-то порочный круг. Зачем нам такая нелепая двойная идентичность?

Нам вполне достаточно нашей природной, одной-единственной идентичности: русской. Это кристально ясно и самоочевидно.

Случись что, начнись (не дай бог) большая война, на чем придется делать акцент пропаганде, к защите какой идентичности, какой ценности призывать? Да все к той же, национальной, русской, как пришлось это делать Сталину и коммунистам в предвоенные и военные годы. Особенно если воевать придется с украинцами, когда вопрос национального самоопределения вообще выйдет на первый план, потому что каждому надо будет дать себе ответ: с братьями или не с братьями приходится ныне биться насмерть. И ответить придется четко и жестко: бандеровец (а истинный украинец сегодня — это, увы, бандеровец) русскому не брат. А аргумент о защите «россиянства» придется оставить для нерусских подданных России, как оно, собственно, с самого начала было и есть. И никаким законом о «российской нации» эту простую суть не отменить.

Как уже не раз говорилось выше, попытка скопировать или симитировать национальную политику советской власти (в корне порочную и провальную, которую сегодня ностальгически, но вральчески выдают за успешную) не может привести к иному результату, как тот, что имели коммунисты: к развалу страны. Одно с другим неразрывно связано. Совсем не случайно советский опыт нациестроительства кончился так же плачевно, как и сам Советский Союз. Попытка теперь по тому же образцу навязать всем «россиянство» только обострит противоречия и сепаратистские настроения, приведет к развалу России.

Альтернатива этой квазисоветской национальной политике одна: опора на Природу и Богом данную естественную и основную скрепу нашей страны. То есть опора на русских как государствообразующий народ. И для начала необходимо признание его таковым

де-юре, через внесение соответствующих изменений в Конституцию.

Нет никаких возможностей опровергнуть и отвергнуть тезис о русских как государствообразующем народе, поскольку он соответствует как исторической истине, так и современному фактическому положению в стране. Пора научиться смотреть правде в лицо и называть вещи своими именами без ложной деликатности. Русские — единственный народ России, исчезновение которого повело бы к немедленному исчезновению самой России; ни один другой народ таким свойством не обладает.

Напомню здесь заодно, что согласно международной практике, государство считается мононациональным, если две трети или более его населения принадлежит к одной этнической группе. Так, например, в своих выступлениях утверждает Эдриан Каратницки, президент старейшей и авторитетнейшей в мире правозащитной организации «Дом свободы» («Freedom House», основана в 1941 г.).

Тезис о государствообразующем русском народе не только уже озвучивался во всеуслышание Президентом и Патриархом, но и выдвигался в избирательных программах трех из четырех парламентских партий: ЛДПР, КППРФ и СР. С этим же требованием как первоочередным выступил в своей резолюции 1-й Съезд славян Ставропольского края. К Государственной Думе о признании русских государствообразующим народом России официально обратился, как ни странно, парламент Чечни. Эту идею поддержали недавно участники так называемой «Кавказской инициативы» от лица других народов российского Кавказа. На ней заострили свое внимание депутаты парламента Якутии. 11 ноября 2016 г. на пленарном заседании Госдумы предложение о внесении изменений в конституцию РФ — признать русский народ государствообразующим — внес депутат

от КППРФ Владимир Бортко. Все это говорит о высочайшей степени осознанности и актуальности этого требования в российском обществе, оно стучится в нашу дверь. Общество созрело для указанного шага.

Прецедентов в мировой юридической практике достаточно. В данном случае можно опереться на опыт демократического Израиля. Недавно израильский кнессет (парламент) принял новую формулу присяги на верность, объектом которой является именно еврейское национальное государство — государство еврейского народа, а не что-то иное. Стоит напомнить, что евреев в Израиле меньший процент, чем русских в России, но никто при том не упрекает Израиль в нарушении прав человека.

Можно привести и многие другие примеры, в том числе более близкие нам, поскольку речь идет о ряде бывших братских республик СССР. Все большие народы бывшего СССР пошли путем создания национальных государств и даже этнократий. И только русские, как какие-то недоумки, пасынки истории, должны принять безнациональное «россиянство», потому что так захотелось нескольким комическим персонажам типа Тишкова и Михайлова? Вместо того чтобы всемерно укрепить государствообразующий народ и через это укрепить и само государство, нам предлагают укрепить государство через размывание, а значит ослабление, а по сути — через убийство государствообразующего народа. Абсурд, бред? Да, но он навязывается нам с самого верха!

Принятие вышеуказанной базовой поправки в Конституцию позволит принять ряд изменений в российском законодательстве, способствующих укреплению единства нашей страны от Калининграда до острова Беринга и от Ледовитого океана до Кавказа и казахских степей. Я много ездил по нашей стране, бывал в ее самых отдаленных, в том числе «национальных» уголках

и свидетельствую: единственная причина, по которой я всюду чувствовал себя дома — это фактор русского присутствия: русская антропология, русский менталитет и архетипы, образ жизни и действия, русская речь, русская культурная матрица... Я не с чужих слов знаю: естественное чувство русского этнического родства, национальной общности — вот подлинная, не высосанная из пальцев тишковы-михайловых-зориных, внутренняя скрепа России. Вот что нуждается во всемерном усилении, если мы хотим сохранить единую Россию.

Но надо ясно понимать: с законом о «российской нации» этот единственно верный подход несовместим. Одно из двух, либо — либо. Размыть все национальные границы, превратить русских в непонятный микст? Мы, русские, если хотим выжить, заинтересованы в прямо противоположном, в обратном. Не следует умножать лишние сущности, как сказал бы славный Оккам, не надо пытаться привить нам дополнительную идентичность.

III. Судьба «Русского мира» и закон о «российской нации». Некогда Бисмарк, неплохо знавший Россию, заметил, что русский народ подобен ртуту: если раздробить его на тысячи кусочков, они начнут стремиться друг к другу, пока вновь не сольются в одно целое. Вопрос для экспертов: какое отношение к «российской нации» будут иметь русские Новороссии и Казахстана, Белоруссии и Нарвы? Вообще всего ближнего и дальнего зарубежья? Ясно: никакого. Они и их потомки окажутся вне зоны действия нового этнонима. Если законом будет установлена некая «российская нация», то с «Русским миром» придется распрощаться, ведь это вещи несовместимые. А ожидать появления вне самой России какого-то «Российского мира» ему на смену — не приходится.

Мы уже сталкивались с подобным искажением здравого смысла

в тех случаях, когда согражданство той или иной страны вынужденно отождествляли с нацией, создавая «безнациональные нации». Разве есть в мире канадцы помимо Канады? Американцы помимо США? Нет, расставаясь со своей страной, они возвращают себе свою исконную изначальную идентичность, снова становясь ирландцами, шотландцами, немцами, французами, тайцами и т.д. Американец, канадец — это ведь не национальность. Обратная сторона этой фальшивой медали в том, что для Франции канадские или алжирские французы — уже как бы и не французы, поскольку не сограждане страны исхода. Они предоставлены своей судьбе, и Франции до них дела нет. Хотим ли мы, чтобы все русские, живущие за границей, стали для нас такими же «отрезанными ломтями»?

Иное дело — евреи, опыт которых учит: даже потеряв свое государство, можно обрести его вновь, если сохраниться как этнонация. Еврей всегда еврей, где бы ни родился и ни жил, и его связь с Израилем, страной отцов, землей священной, всегда неразрывна. В этом простой секрет успешности этого народа, занимающего одно из почетных мест в списке долгожителей Земли, наряду с китайцами и индоариями. Им никогда не пришлось в голову признать некую «израильскую нацию» как согражданство всех населяющих Израиль этносов. Потому что евреи прекрасно понимают: это путь к национальному самоубийству. А на это они никогда не пойдут. Но разве для нас, русских, Святая Русь имеет меньшее значение, чем Эрец Исраэль для евреев?! Их пример должен стать для нас основополагающим.

Приняв закон о «российской нации», мы должны будем распрощаться с «Русским миром» и с нашими русскими соплеменниками, несмотря на то что по всем стандартам русские являются разделенным народом. Но мы потеряем моральное и юридическое

право патронажа, поскольку наши зарубежные соплеменники уже никакого отношения к «российской нации» (сиречь согражданству) иметь не будут.

Маленький пример: в минувшем декабре в Северном Казахстане (по нашему это Южный Урал) на пять с половиной лет лишения свободы осужден местный житель, русский Игорь Чуприн «за разжигание межнациональной розни в социальных сетях и призывы к присоединению к России». Осужденный, проживающий в граничащем с Россией регионе, публиковал в интернете призывы «сделать Казахстан частью России». А в апреле 2015 г. суд административного центра Атырауской области Казахстана приговорил к трем годам лишения свободы местного жителя, принимавшего участие в боях на стороне Донецкой Народной Республики. С тех пор как минимум четверо граждан Казахстана были осуждены по обвинению в разжигании через интернет сепаратизма и межнациональной розни.

На деле, как понимает читатель, речь идет о родных нам людях, о русских, которым небезразлична судьба их народа, которые не желают мириться с его разделенным положением. Таких единокровных нам и родных по духу людей — миллионы за границами России. Однажды в 1991 году их уже предал Ельцин, сдав с потрохами 25 миллионов наших соплеменников ради своего беспроblemного воцарения. Приняв закон о «российской нации» мы вновь предадим их, лишим всякой даже моральной поддержки, вновь бросим на съедение местным этнократам в бывших «братских» республиках. Да не попрекнут нас этим наши внуки-правнуки!

IV. А вообще-то, зачем нам, русским, нужен закон о «российской нации»? Спрашивается, что получают русские люди взамен юридической утраты своей природной идентичности через

этот закон? Чем компенсируют принятие новой, неорганичной, неестественной для них идентичности? Известно (об этом писалось немало), что в российском законодательстве утвердилась многообразная дискриминация русских по сравнению, скажем, с народами, имеющим в России свой отдельный суверенитет, или с малочисленными коренными народами, или с так называемыми репрессированными народами (как будто русские не были репрессированы) и т.д. Изменится ли это неравноправное положение русских, если будет принят закон о «российской нации»? Ясно, что нет, и даже сама постановка вопроса о русских правах станет затруднена. «А кто вы такие, — спросит нас любой правоведа. — “Русские”? Не знаю, нет таких, в законе не прописаны. Есть “россияне”, а “русских” — нет, “русские” в законе мертвы!».

И как же, после сказанного, мы должны должны относиться к этой инициативе?

Чтобы русскому человеку поменять свою идентичность на «россиянскую» — надо быть или очень глупым, или совсем себя не уважающим человеком. Даже из самых высоких государственных соображений. Как говорится, людям в угоду, да не самим же в воду. Я лично никогда ни одного дня, ни одного часа внутренне не был советским, а всегда был только русским. И таких, как я, судя по вышеприведенной статистике, было очень-очень много. Но точно так же я никогда не стану и «российским». Силком можно запихнуть русских в «российскую нацию», как когда-то запихивали в «советский народ». Но сила действия рождает силу противодействия. Пусть об этом помнят радетели «россиянства».

Я хотел бы подчеркнуть: роль государствообразующего народа сродни праву первородства. Право первородства — это вещь жизненно важная. Это благословение отцов. Это поддержка

Неба. Это ни с чем не сравнимое чувство, в котором есть и особая гордость, и особая ответственность.

Мы помним персонаж из Библии, который продал свое первородство за чечевичную похлебку. Он не стал героем истории, а стал им тот, кто это право приобрел.

Сегодня русским предлагается уступить свое первородство — за что? За то, чтобы комфортнее чувствовали себя в России остальные 192 народа, в том числе какие-нибудь «папуасы хули», «жители вселенной» или «понаехавшие»? Или за то, чтобы Тишков, Михайлов и иже с ними вошли в историю как демиурги очередной «новой исторической общности людей — российской нации»? Они ведь нам, русским, даже чечевичной похлебки в обмен не предлагают...

Потеряв свое первородство в России — стране предков, мы неизбежно окажемся захвачены процессом отчуждения от своей Родины. Это будет массовый процесс, подспудный, быть

может, но имеющий колоссальные отрицательные последствия. И вряд ли мы, русские, смиримся с этим.

Главный радетель «россиянства» Валерий Тишков — убежденный конструктивист; он думает, что достаточно вообразить себе некую нацию — и она появится в реальности. Но это большое заблуждение. Так что даже если тишковы переселят, и закон о «российской нации» будет провален через Госдуму, можно быть уверенным, это не станет финальным аккордом, а лишь послужит усилению внутренней конфронтации в обществе. Будет с чем бороться русским лидерам, вокруг чего консолидировать русский народ, во имя чего вести его на баррикады. И не только русским.

На этом прогнозе я беру паузу. Умному достаточно, как говорили древние. Посмотрим, как будут развиваться события. Что победит: голос разума или преобразовательский зуд экспериментаторов-нациестроителей? Поживем — увидим.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).